

ГЛАВА

1

Каменная дверь рухнула, подняв облако пыли. С потолка сыпался рыхлый марбал, но своды вроде бы не собирались пополнять склеп покойниками. Первым внутрь шагнул мелкий, юркий человек. Он осветил помещение факелом, бегло осмотрелся, сморщил нос от затхлого сырого воздуха и посторонился, пропустив принца Алетара.

— Вот, мой принц, как договаривались. Склеп Ашунран, последней имперской династии. Мы в расчёте?

Алетар неопределённо хмыкнул. Хорёк занервничал и торопливо пробормотал:

— Я показал схроны, тайники, навёл на десяток гробниц и склепов, без меня вы бы не успели сделать... ну, что вы тут делаете. Скоро новое Южное море затопит всё...

— Уверен, что это **последний**?

— Клянусь Двуликой!

Сзади фыркнули. Хорёк подпрыгнул и обернулся. В склеп зашли двое: рыжеволосый парень и девчонка лет девятнадцати.

Первый, одетый в солдатскую форму, точно выходец с Расколотого континента, если судить по кольцам в ушах и заплетённой косе ото лба до затылка. Девушка же была ветвийкой с удивительными чёрно-белыми волосами и ярко-голубыми, совсем как у принца, глазами.

«Родственники они, что ли?»

— Ты свободен, Хорёк. Больше не появляйся в моей ветви, — бросил Алетар.

Девушка похлопала Хорька по плечу. Тот выпучил глаза: рука у неё была из железного золота и стали.

Хорёк отдал факел солдату и поскорее покинул склеп. Отряд стражи у входа ничуть не удивил, ведь принц седьмой ветви вряд ли мог в одиночку отправиться во вражеские земли.

«Но где, пропасть их забери, они прятались всю дорогу?»

Хорёк считал себя достаточно опытным вором, чтобы заметить слежку, и сейчас почувствовал досаду. Он сел на лошадь и успел отъехать довольно далеко, когда в пустыне ярко блеснул свет, будто упала звезда. Хорёк поборол страх и направился к старой тропе между скал. Та должна была вывести к границе пятой ветви — подальше от пустыни и заброшенных гробниц и поближе к торговым судам да кошелькам богатеев.

Хорёк так размечтался, что не заметил песчаную ловушку, которая жадно проглотила и лошадь, и седока. Хорёк успел подумать, что это какая-то ошибка — кто в здравом уме станет охотиться в месте, где из добычи попасться может только человек?

— Разумно ли оставлять его на свободе? — спросил Шор, установив факел в подставку.

— Сделка есть сделка, — сказал Алетар. — К тому же он всего лишь разнюхивал местоположения склепов. Можно сказать, Хорёк — неудавшийся познаватель. А своих подельников он сдал: и покупателей даров Южной империи, и бесценного, открывавшего шкатулки, похороненные вместе с хозяевами. Хорёк сказал, что следующей целью была шкатулка Сорона в Илассете.

— Думаю, приврал, чтобы выиграть время.

— Вряд ли. Описал он её довольно точно: большой ларец с замочной скважиной и узорами из медных листьев.

— И всё-таки, если он расскажет кому-то...

— У принца может быть сотня причин для поиска старых склепов, — Алетар равнодушно пожал плечами и сорвал клоч паутины. — Главное, что Хорёк понятия не имеет, чем мы тут занимаемся.

— Ему бы никто и не поверил, — буркнула Лика. Она поправила тяжёлую сумку на плече и шагнула вперёд.

Вдоль стен лежали истлевшие скелеты. Большинство надписей почти стёрлись: если у этих покойников и были имена, то они исчезли навсегда. Но чуть дальше склеп сохранился лучше, а самое главное — осталась цела комната, где хоронили безымянных детей.

Вход перекрывала решётка. Шор срезал прутья несколькими движениями кинжала. Лика глубоко вдохнула, уняв накатившие при виде крохотных скелетов слёзы, и сосредоточилась. Она посмотрела на останки и произнесла:

— Я даю тебе имя Рут. Ты Рут Ашун-ран.

Имя легло с первого раза, тихо и плавно, как лист на водную гладь. Лика кивнула и пошла дальше. Рета.

Руфь. Расар. Ронк. Ренн. Она давала имена на одну букву, как было принято в семьях правящих ветвей.

Закончив, Лика отошла в сторону.

— Что ж, теперь очередь Вора, — сказал принц Алетар. Он призвал шкатулку и достал из неё перчатку, настолько чёрную, что она казалась дырой в пространстве.

Затем принц подошёл к первому скелету. Произнёс имя — Рут Ашун-ран — и опустил кисть между фрагментами грудной клетки. Лика заранее зажмурилась, но свет больно ударил по глазам даже сквозь сомкнутые веки. А когда вспышка исчезла, Алетар уже стоял со шкатулкой в руках.

Со шкатулкой ребёнка, погибшего сотни лет назад.

Лика приняла её и тут же открыла, как настоящая бесценная. Почему-то шкатулки мёртвых открывались от одного прикосновения.

— Дар... кусочек жёлтого стекла, — сказала Лика, спрятав находку в сумку.

Алетар вернул шкатулку в пустоту и подошёл к следующему телу.

Шесть имён, шесть даров.

— Я ничего не понимаю! — чуть ли не плача, причитала Лика, выходя из склепа. Она с трудом волокла сумку, набитую дарами, как обычным барахлом. — Мы ищем последний дар или разграбляем могилы, как этот ваш Хорёк?

— Последний дар важнее наших моральных ценностей, — отрезал Алетар, — ты сама согласилась.

— Да, но мы хотели узнать, что случилось с Дзуликой, а получили больше вопросов, чем ответов! С чего бы богине вообще посылать последний дар мертвецам?

Алетар привычно сдержался от недовольного вздоха.

— Мы даже не знаем, что означает «последний». Это может быть как самый новый, который создала Дзулика,

так и конечный, то есть последний, который она отправила людям. А если допустить, что мы ошиблись в значении исходного слова, то речь может идти и о даре «последователям». Проверить дары последних имперцев необходимо, чтобы исключить глупую ошибку.

— А почему мёртвые имперские дети получают дары? И значит ли это, что с богиней всё в порядке? — спросила Лика с раздражением. Ей казалось, что познавательский подход Алетара ко всем проблемам только отнимал время.

— Выясним, — коротко ответил Алетар и попробовал взять сумку Лики.

— Я сама, — сказала она, отдёгнув плечо.

— Что у тебя там такое тяжёлое, кроме даров?

— Вода, — ответил за неё Шор и помог Лике взобраться на лошадь.

Они вернулись в столицу седьмой ветви под утро.

Инарон был самым старым городом в Ародане. С него начиналось возвышение ныне царствующих ветвей, здесь делались величайшие открытия и проходила граница владений принцев. Город первым отражал нападения сначала армий Южной империи и варваров, позже — дикарей и крапчатников, а ныне препятствовал культу отрицателей.

Внутри кипела жизнь, но не привычной зеленью Илассета, а бесчисленными механизмами, машинами и устройствами. Дома с водопроводом, самоходные экипажи, ювелирно выкованные фонари, которые днём поглощали свет, а ночью отдавали его, — казалось, познаватели приложили руки ко всему вокруг. И в этих руках были дары. Самым почитаемым и древним даром был

монумент из семи статуй принцев, находящийся в центре города. Именно здесь когда-то произносили клятвы Двудикой и здесь же призывали их исполнить. Лика видела статуи каждое утро и радовалась, что это не нынешние правители и среди них нет Севира.

Заступничество лорда Ренфела и его щедрый подарок принесли ей и Шору долгожданное убежище, которое спустя три месяца они потихоньку начали называть домом. Ключ, который она хранила столько времени, был от мастерской Ренфела. Принц Алетар без раздумий позволил жить в ней сколько нужно. Лика подозревала, что Ренфел связался с принцем так же, как с ней, и рассказал, может быть вкратце, кто она и откуда. Алетар не подвергнул сомнению ни единое её слово, когда она говорила о событиях в Илассете и эль-Туне. Правда, Лика переживала, поверит ли принц истории Шора: всё-таки возможная гибель богини — это не то же самое, что пустая шкапулка или убийство великого тёмного дара. Но Алетар был знаком с Дауром и отнёсся к словам Шора со всей серьёзностью.

После нескольких недель лечения — а пребывание в эль-Туне сказалось на здоровье обоих — Шор и Лика вместе с познавателями стали копаться в архивах, выискивая ответы на вопросы.

Шор записался на военную службу и целыми днями пропадал то на стрельбищах, то на других занятиях, а Лика всё свободное время проводила в мастерской и собирала себе новую руку.

Протез, по просьбе Алетара, сделали почти сразу: громоздкий и тяжёлый, с деревянными пальцами, которые смыкались, если потянуть за рычажок на предплечье. Пользоваться таким было неудобно. Казалось, что к руке примотали булыжник. Лика промучилась с протезом

неделю, а затем пошла в мастерскую, откопала книги по механизмам, развернула анатомический атлас и погрузилась в работу. Постепенно схемы и чертежи заняли не только стол, но и все стены. Часть набросков даже валялась на полу. Шор не раз переносил в кровать уснувшую за книгами Лику. Едва светало, та сбрасывала одеяло и вновь принималась изучать строение связок, мышц и сухожилий. Познаватели из мастерской стали её учителями, и спустя два месяца удалось получить более или менее приемлемый результат. Лика смогла сжимать пальцы усилием мышц плеча, а сам протез вышел несравнимо легче, прочнее и, чего уж скрывать, красивее предыдущего. Лика жалела только, что не нашлось в Инароне дара, который навсегда приживил бы руку из железного золота и стали к здоровой плоти.

Шор застал Лику сидящей на ковре в окружении десятка листов со схемами. Она даже не сразу заметила, как друг пришёл.

— Ты уже закончил? Так быстро? — удивилась она.

— Всё как обычно, просто уже стемнело, а ты так и сидишь. Что-то нашла?

— Погляди, — Лика шуршала бумагами, выискивая нужные заметки, — «возьмите имена у усопших и камнем заложите тела, во свободу их». Кажется, имперцы отнимали имена у мёртвых, а значит, нарекая останки, я возвращала покойникам шкатулки с дарами, полученные при первом наречении.

— Значит, их первоначальные имена где-то сохранились: в записях, свитках или книгах, — задумчиво произнёс Шор.

— Да. Иначе шкатулки пришли бы пустыми. Столько времени потратили, а стоило копнуть поглубже — и вот ответ. Правда, о последнем даре нет ни слова.

— Лика, тебе надо отдохнуть, — сказал Шор, подняв её на руки.

Лика запротестовала, попыталась выкрутиться, но сдалась и обняла парня.

— Я не могу понять. А если я чего-то не могу понять, то схожу с ума.

— Ты не одна ломаешь голову над этими загадками. Мы среди лучших умов Ародана, поэтому как-нибудь справимся.

— Мы стоим на месте, понимаешь? Если вдруг мы и разберёмся, то что потом? Никто не сможет убедить весь мир в нашей правоте, никто не соберёт армию и не отправится на восток сражаться с тем чудовищем, о котором ты рассказывал. Ничего не изменится.

Лика спрыгнула с его рук и мельком глянула в зеркало: лицо казалось бледным и осунувшимся, только глаза сияли голубыми огоньками. Алетар заверил её, что эффект от дара Ренфела скоро пройдёт, если, конечно, он снова не выйдет с ней на связь. Но этого не происходило, и Лика переживала, не случилось ли с Ренфелом чего-то ужасного — ещё один повод для волнения, не считая бесконечного беспокойства о родителях. Впрочем, всё это казалось мелочью по сравнению с тяжестью мыслей о будущем всего мира.

«Как долго люди смогут жить без Дзуликой? Её помощь не помешала бы, особенно в борьбе с варварами. От ещё одной пропасти Аш или Весеннего шторма Ародан на части не развалится».

Шор вздохнул и решительно повёл Лику прочь из дома.

— Куда ты меня тащишь? — вяло поинтересовалась она.

— Да куда угодно, лишь бы голову твою проветрить.

— Стой! Я не взяла воду. Да подожди ты!

Ли́ка бегом вернулась в мастерскую за сумкой с двумя флягами воды, перекинула через плечо и уже со спокойной душой вышла в город.

Улицы освещались яркими жёлтыми огоньками, а на крышах домов уже лежала чёрная, непроглядная ночь. Шор и Ли́ка шли рука об руку, порой с ними здоровались прохожие. Сейчас Ли́ка была единственной бесценной в Инароне, что беспокоило Алетара. Сколько их осталось после гонений? Сколько ещё родится без Двумликой и родится ли вообще?

— Ли́ка, ты опять ушла в раздумья.

— Да, извини, никак не получается расслабиться.

— Я тоже переживаю. Но мы ничего не добьёмся, если позволим страхам и волнению обессилить нас.

Ли́ка кивнула, хотя всё внутри протестовало против этой прогулки.

«Как можно наслаждаться хоть чем-то в этом мире, если, возможно, его дни сочтены?»

Порой Ли́ка корила себя за лишний час сна или за бессмысленную беседу с кем-то из мастерской. Обеда в трактире или отдавая вещи прачкам, Ли́ка каждый раз не могла поверить, что занимается подобной ерундой.

«Наречённые, очнитесь! Наша богиня пропала или вовсе погибла, что вы делаете?»

А люди жили в неведении: ходили на прогулки, воспитывали детей, пели.

Танцевали.

Шор остановился у помоста, где собрались музыканты и веселящиеся горожане. Доски содрогались от танцев, а воздух наполняли смех и песни.

— Ну, идём? — Шор обхватил Ли́ку за плечи и мягко направил на площадку.

— В последний раз я танцевала на именинах принца Сирора, — буркнула Ли́ка.

— Забудь про дурацкие дворцовые танцы. Делай что хочешь, а я составлю тебе компанию.

— Шор, может, не стоит? Я не очень хорошо танцую.

— Попробуй. Не понравится — уйдём. Договорились?

Ли́ка с сомнением посмотрела на свои штаны, но вокруг никто и не носил платья, так что ей стало чуть спокойнее. Шор подбежал к музыкантам и что-то быстро объяснил. Труппа сыграла несколько нот, настроившись, Шор напел слова, кивнул и вернулся к Лике.

Музыканты начали играть неспешную мелодию, ритмом похожую на дыхание, а певец затянул незнакомую песню: вроде и стихи, но без рифмы, словно он рассказывал историю, удивительно совпадающую с ударами барабанов.

Шор встал напротив топчущейся в углу Лики, засунул руки в карманы, нахально подмигнул и стал просто покачиваться в такт музыке.

Ли́ка почувствовала страшную неловкость, но заметила, что люди вокруг делают то же самое, будто у танца нет никаких правильных или неправильных движений. Ни шагов, ни схем.

Ли́ка прикрыла глаза. Голос певца походил на шёпот, ритм барабанов напоминал биение сердца. И с каждым мгновением они становились немного быстрее и громче. Люди за помостом хлопали в такт. Ли́ка сначала неловко качала головой, затем шагнула в сторону, обратно. Было что-то приятное в том, чтобы попадать в ударный звук песни движением тела.

Ли́ка опустила зажатые плечи, открыла глаза. Шор поймал её взгляд и немедленно вытянул руку, а после всё слилось в круговорот танца.

Музыканты заиграли быстрее. Все танцевали как хотели. Ли́ка крутилась в руках Шора, замирала, когда он

опускал её почти до самого пола или подбрасывал вверх, будто она была пушинкой. Они плясали, Лика кружилась, кружилась, кружилась, и казалось, что за спиной вот-вот распахнутся крылья. Шор поймал её за талию, поднял, а Лика расправила руки и засмеялась.

Шор улыбался. Он прижал её к себе, а она посмотрела на него сверху и, не сдержавшись, поцеловала.

— Молодые люди! Не стойте! Вы мешаете!

Шор спохватился и увёл Лику с помоста. Она была благодарна за короткую передышку, потому что поцелуй словно выбил из груди весь дух.

Лика попыталась сообразить, что сказать. Шор тоже молчал. С тех пор как они выбрались из эль-Туна, их отношения увязли в сомнениях и вопросах. Шор встретил её почти ребёнком, и, хотя шкатулка сделала Лику взрослее не только внешне, но и внутренне, они долго привыкали друг к другу. Лика заметила, что стала иначе мыслить и говорить. Она словно прожила несколько лет, впитала новый опыт, чувства и переживания. Лика не раз пыталась объяснить эти ощущения Шору. Со временем он перестал видеть в ней маленькую девочку и стал смотреть иначе. Так же, как она смотрела на него.

Хотелось просто взять его за руку и не нарушать тишину неловкими словами. Но момент, которого Лика и Шор так долго ждали, испортил донёсшийся до них крик.

— Шор! Бесценная Лика! Вас зовёт принц Алетар! — из толпы к ним пробился стражник. Он запыхался: видимо, искал их по всему городу.

— Что стряслось?

— Вести от лорда Ренфела. В Инарон прибыли члены Коллегии познавателей. Идёте?

У Лики кольнуло в груди. Она невольно шагнула Шору за спину.

- Шор, почему лорд Ренфел сам не связался со мной?
— Сейчас и узнаем.

Весь путь до зала совещаний Лику съедало дурное предчувствие. Почему-то познаватели потребовали, чтобы принц принял их наедине, без советников и стражи. Несколько солдат стояли у входа, но за массивными дверями не было слышно ни звука.

— Шор, ты не мог бы достать Светорез? — попросила Лика. — Пожалуйста, мне не по себе.

Шор молча выполнил просьбу, но вложил дар в ножны, чтобы он не бросался в глаза.

Алетар у окна беседовал с двумя мужчинами. Они стояли спиной к Лике и говорили слишком тихо, чтобы она смогла что-либо разобрать.

— А, вот и они, — сказал Алетар, заметив их. — Друзья, это Иден и Асид.

Ни Иден — рыжеволосый бугай с шестью пальцами, ни Асид — старик без трёх передних зубов — явно не узнали Лику: наверняка они ожидали увидеть разноглазую маленькую девочку. А вот она узнала этих людей сразу.

И секунды — пока чужаки не поняли, что их раскрыли, — хватило на то, чтобы взвизгнуть:

— Отрицатели!

Шор рванул вперед даже быстрее Алетара. Враги только потянулись за спрятанным оружием, как принц заломил руки старика и прижал того коленом к полу. Шор так не церемонился. Его кинжал рассёк ножны, затем плащ Идена и звякнул о скрытый клинок, остановившись лишь, когда лезвие царапнуло бедренную кость отрицателя.

Крик Идена сотряс оконные стёкла. Кровь хлынула из раны ручьём. В зал совещаний ворвались стражники.

— Алетар, что это значит?! — воскликнул Асид, попытавшись вырваться. — Что за безумие здесь творится?

Шор снял с шеи Идена шарф и резким движением перетянул отрицателю ногу. Раненый закричал громче, но теперь он ругался и проклинал всё на свете. А Шор встревоженно спросил у Лики:

— Ты в порядке?

Лика кивнула, не сводя глаз с врагов.

— Зачем вы потянулись за оружием? — ровным голосом спросил Алетар.

— Он набросился на нас! Алетар, не глупи, почему ты поверил какой-то девчонке?!

Лику бросило в жар от смеси страха и гнева.

— Ты. Кормил. Меня. Солью, — прошипела она, подойдя к старику. Асид выгнул шею, присмотрелся — и лицо у него вытянулось от удивления.

— Не может быть...

— Что? Не узнаешь меня? А ты? — Лика повернулась к стонущему Идену. — Помнишь это? — Лика сняла протез и показала культю. Иден от боли закатывал глаза, сознание покидало его вместе с вытекающей кровью. Лика яростно схватила мужчину за шею и закричала, сорвавшись на плач: — Смотри!

— Лика, Лика, иди сюда, — Шор обнял Лику и увёл подальше от её мучителей, — я с тобой, всё обошлось!

— Эти подонки увезли меня в эль-Тун! Он кормил меня солью! Шор! Шор...

Лика захлебнулась рыданиями, Шор погладил её по голове.

— Стража! Этого — к анатомам, пусть подлатают, и глаз с него не спускать! Он нужен мне живым. Старика на допрос. Вы двое, — Алетар указал на мужчину и женщину из отряда стражников, — переоденьтесь в обычную одежду и идите в мастерскую Ренфела: возможно, там будут гости. Принесите мне списки дежурных на стене

и у ворот. Я должен знать, кто пустил отрицателей в город. Гонцов ко мне! Шор, Лика, идите за мной.

Алетар отвёл их к себе в покои, задёрнул шторы, сел за стол и, быстро-быстро написав несколько весточек, положил их в стеклянные трубочки, залил чёрной жидкостью и запечатал.

— Кому послания? — спросил Шор.

— Моему брату, — сухим голосом отозвался Алетар. — Если отрицатели проникли в Коллегию, то они уже в шестой ветви. Возможно, я успею предупредить его. Ренфел, проклятье, где ты, когда так нужен?

